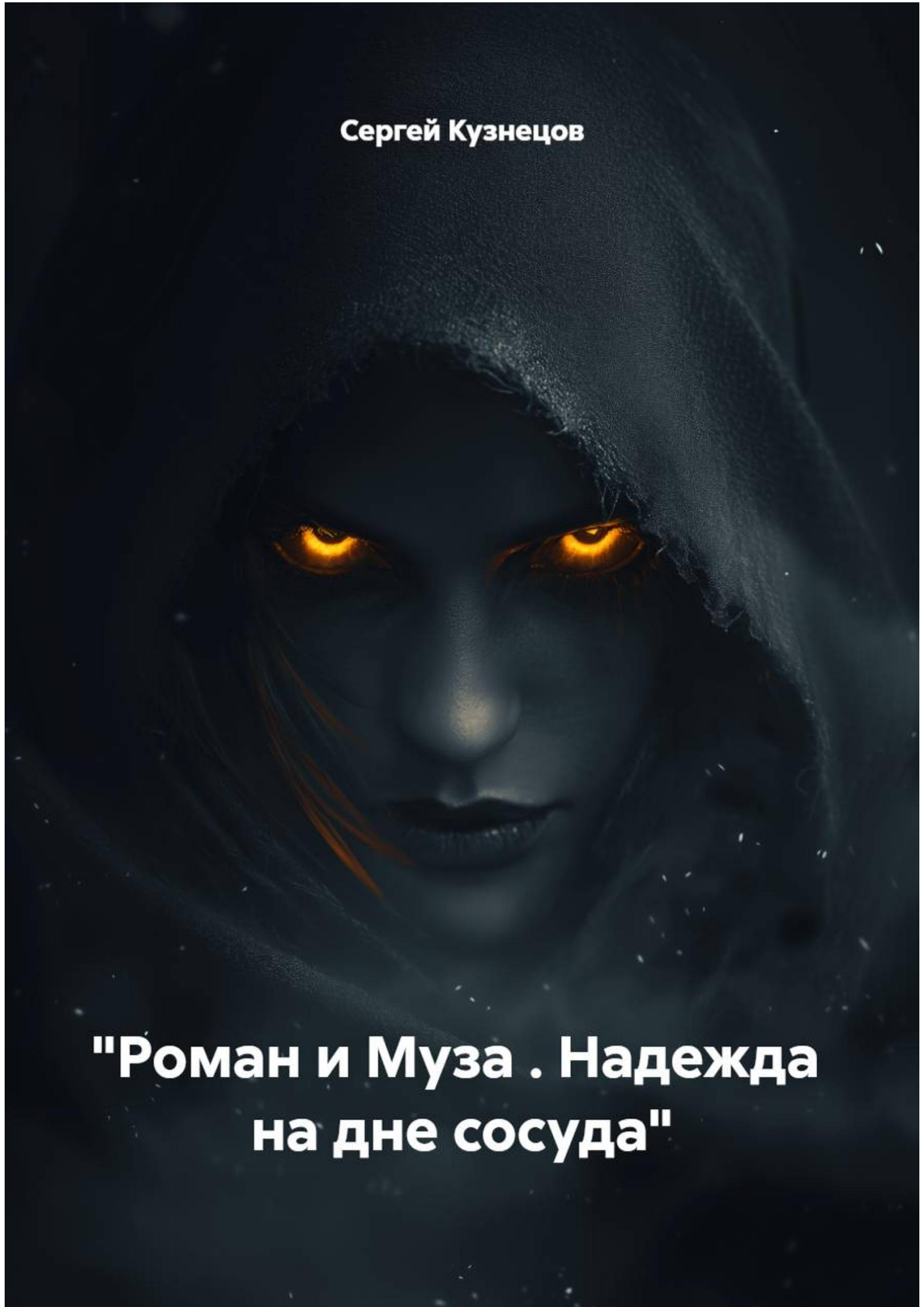

Сергей Кузнецов

**"Роман и Муза . Надежда
на дне сосуда"**

Сергей Кузнецов

**"Роман и Муза .
Надежда на дне сосуда"**

«Автор»

2026

Кузнецов С. И.

"Роман и Муза . Надежда на дне сосуда" / С. И. Кузнецов —
«Автор», 2026

Сорок один год — возраст, когда накопившийся груз неслучившихся связей, старых обид и одиночества начинает давить сильнее физической усталости. Инженер Роман пытается разобраться в череде рухнувших отношений, не веря больше в дежурные психологические клише о «гендерных ролях». Пытаясь найти точку опоры через практику глубокого расслабления, он сталкивается с изнанкой привычной реальности — с первообразом, хранящим память древних мифов о природе человеческих заблуждений. Этот диалог не предлагает дешевого утешения, но позволяет увидеть за бытовыми сценариями жесткую механику выбора, от которой зависит, чем наполнена жизнь, когда остывает последний чай в одинокой кружке.

© Кузнецов С. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
«РОМАН И МУЗА . Надежда на дне сосуда»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Сергей Кузнецов
"Роман и Муза . Надежда на дне сосуда"

Глава

«РОМАН И МУЗА . Надежда на дне сосуда»

Воскресенье начиналось как обычно. Роман лежал на диване и слушал, как за стеной сосед работает дрелью — видимо, опять что-то чинит, или ничего не чинит, а просто привычно заполняет тишину шумом. За окном моросил сентябрь — мелкий, ровный, равнодушный. Капли ползли по стеклу медленно, как будто не хотели падать. На кухне остывал кофе. Телевизор работал фоном — утреннее ток-шоу, где двое в очень вежливой, почти безразличной форме объясняли друг другу, как надо жить. Роман не вслушивался до тех пор, пока не уловил слово «гендерный». На экране ведущий с ухоженной седой бородкой обращался к госте — психологу лет сорока, в строгом жакете и с короткой стрижкой. Пиджак сидел на ведущем чуть лучше, чем нужно, будто костюм знал о себе больше, чем человек в нём. Оба говорили размеренно, с паузами, будто читали лекцию, а не говорили о живом. — Гендерный конфликт, — говорила психолог, — это не противостояние полов. Это столкновение устаревших ролевых моделей с реальностью. Мужчины по-прежнему загнаны в рамку «добытчик-защитник», женщины — в рамку «хранительница-мать». Но мир изменился, а инструкции остались прежними. — И что вы предлагаете? — спросил ведущий. — Учиться договариваться. Не воспринимать партнёра как функцию, а видеть в нём человека. Ведущий кивал. Потом добавил что-то про «социальный конструкт» и «патриархальный контракт». Психолог соглашалась. Оба были вежливы, убедительны и совершенно, как показалось Роману, бесполезны — как аптека, в которой всё красиво, но ничего не помогает. Если бы всё решалось договорами, он бы не сидел тут один в воскресенье. Ему был сорок один. Не старый, но уже не молодой — тот возраст, когда друзья делятся на тех, кто давно женат и молчит, и тех, кто развёлся и тоже молчит. Роман относился к третьей категории: не был женат, но был помят достаточно, чтобы не торопиться. Первые серьёзные отношения — Лена, два года вместе — закончились тем, что она ушла к его однокурснику, забрав из квартиры многое из того, что онобрёл для счастливой жизни на века. Даже телевизор. Тот, на котором сейчас шли разговоры о гендерном конфликте, Роман купил уже после её ухода. Но осадок остался. Не из-за телевизора. В тот вечер, когда он вернулся с работы и понял, что Лены нет — не ушла, а именно нет, потому что забрала даже зубную щётку и шарф с крючка у двери, — на кухонном столе осталась её кружка. Белая, с отколотым краем. В ней — недопитый чай, уже холодный, с бурым ободком у стенок. Кружка стояла так, будто Лена только что поставила её и вышла на минуту. Но эта минута шла уже три дня. Роман обходил её, наливая себе кофе, и каждый раз видел — и каждый раз будто забывал, что видел. На четвёртый день он вымыл кружку и убрал в шкаф. Чай вылил в раковину. Бурая вода ушла в трубу, и он ещё какое-то время смотрел, как капает из крана. Потом была Марина. Три месяца. Марина с первых встреч знала, чего хочет: квартира с ремонтом, отпуск два раза в год, марка машины — и всё это конкретно, с цифрами, которые она озвучивала без стеснения, как будто зачитывала смету. Роман работал инженером-проектировщиком, зарабатывал неплохо, но Маринины запросы напоминали техзадание. Когда он попытался поговорить о чём-то, кроме денег, она посмотрела на него с таким недоумением, будто он предложил ей играть на скрипке. — Ты же мужчина, — сказала она. — Ты должен обеспечивать. И добавила: — Если не можешь — зачем ты вообще нужен? Роман тогда не ответил. Просто перестал звонить. Был ещё эпизод с коллегой, которая оказалась замужем. Это выяснилось, когда её муж позвонил Роману и спокойно объяснил, что «Ольга иногда так развлекается, не обращайтесь внимания». Роман положил трубку, и его трясло. Было такое чувство, будто дотронулся до чего-то липкого, что не отмыть. Истории были разные. Но где-то на дне каждой сидело одно и то же: его используют. Как кошелек, как временный механизм, который можно выключить, когда найдёшь получше. Два человека на экране объясняли, что дело в ролевых моделях. Роман усмехнулся. Предательство — это не модель. Дело было в чём-то более древнем и простом, чем любая теория.

Ему хотелось добраться до этого простого. Он принёс с кухни кофе и выключил телевизор. Остались дрель за стеной и дождь за окном. Роман сидел на диване и думал о матери. Она умерла четыре года назад, в больнице, ночью. Роман приехал утром — и застал пустую палату, заправленную кровать, тумбочку с кружкой, в которой ещё оставался чай. Он стоял в дверях и не мог войти. Казалось, что он опоздал к разговору, который они так и не успели провести. Пахло больницей — чем-то казённым, стерильным, равнодушным к тому, кто тут лежал и кого тут не стало. Роман взял кружку с тумбочки. Чай был холодный, на дне — мутный осадок. Он понёс её к раковине в коридоре и на полпути остановился. Обхватил обеими руками. Кружка была холодная, и он всё держал её, будто ещё можно было дожидаться тепла. Отец был молчаливый, работающий, пил понемногу. Не бил, не кричал. Просто постепенно исчезал. Сначала перестал разговаривать за ужином, потом стал возвращаться всё позже. Ушёл к другой, когда Роману было шестнадцать. Мать убрала его вещи в один день, вымыла полы и сказала: «Так надо». Роман тогда не понял — что именно надо. Теперь думал, что понимал: она знала, что отец не вернётся, ещё за несколько лет до того, как он ушёл. Знала — и молчала. И мыла полы, и готовила ужин, и улыбалась. А может быть, не знала. Он ведь ни разу не спросил. Тогда её молчание было частью дома — как цвет обоев, который перестаёшь замечать. Теперь Роман называл его покорностью. И всё-таки — выбрала ли она? Или просто не знала, что можно иначе? Он встал, подошёл к окну. Дождь не усиливался и не прекращался. Он просто был — как воздух, как серое небо, как сама идея осени, которая не спрашивает разрешения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.